

точниках 1909–1910 гг. – единственное. С этого момента выхода упомянутой статьи русскоязычные авторы житий св. Евфросинии и историй Спасо-Евфросиниевского монастыря предпочитали впредь игнорировать легенду о Параскеве, воспринимая ее сугубо негативно.

Тем не менее, хотя в начале XX в. Параскева практически исчезает из русскоязычных источников, упоминание о ней попадает в изданную в том же 1910 г. «Кароткую гісторыю Беларусі» В.У. Ластовского [7, с. 14] и, в дальнейшем обретает новую жизнь в трудах некоторых белорусских авторов XX в. [1].

1. Гарошка, Л. Сьв. Еўфрасія-Прадслава / Л. Гарошка. – Парыж : Выданьне Беларускае Рэлігійнае Місіі, 1949 г. – 79 с.
2. Говорский, К. А. Опровержение мнения папистов, будто бы пр. св. Евфросиния и другие древние св. угодники Русской церкви были унияты / К. А. Говорский // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 4. – Кн. XI. – С. 36–42.
3. Гудмантас, К. «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях / К. Гудмантас // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье: доклады российско-литовского семинара. Вильнюс, 28-30 марта 2011 г. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2013. – Р. 196–214.
4. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич – К. : тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1896. – 260 с.
5. Иловайский, Д. И. История России / Д. И. Иловайский. – Т. 1. – Ч. 2. – М. : Типография П. Лебедева. – 578 с.
6. Киркор, А. Очерк IV. Исторические судьбы Белорусского полесья / А. Киркор // Живописная Россия. Т. 3. – СПб., М., 1882. – С. 289–316.
7. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Вільня : Друкарня Марціна Кухты, 1910. – 126 с.
8. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Полоцк : Типография Х. Клячко, 1885. – 34 с.
9. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Витебск : Губернская типография, 1903. – 27 с.
10. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – Т. 17 : Западнорусские летописи / С. Л. Пташицкий, А. А. Шахматов – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1907 – 648 с.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1758.
12. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 5 об.
13. Сапунов, А. П. Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – №14. – С. 1–29; № 15. – С. 31–45
14. Сапунов, А. П. Крест, приписываемый Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 15. – С. 45–49.
15. Філіповіч, М. А. Полоцкая земля в літопісных та актовых джерелах XI–XVI століть / М. А. Філіповіч. – К. : НБУВ, 2014. – 204 с.
16. Я. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая / Я. // Церковные ведомости. – 1909. – №27. – С. 1216–1226
17. Kulczynski, I. Specimen ecclesiae Ruthenicae / I. Kulczynski. – Romae : H. Casterman, 1773. – 351 p.
18. Semianchuk, A. Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarusian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century / A. Semianchuk // Studia Białorusinistyczne. – 2020. – № 4. – Р. 11–32.
19. Stebelski, I. Dwa wielkie światła na horyzoncie potockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij. T. 1. / I. Stebelski. – Lwów : Xieggarnia Zelmana Igl, 1866. – 185 s.
20. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / M. Strykowski. – Т. 1. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – 392 s.
21. Wiiuk Koiatowicz, A. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium / A. Wiiuk Koiatowicz. – Vilnae : Typis Academicis, 1650. – 140 p.

Кашенко С.Г., Никитина Н.П.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. В ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛОРУССИЕЙ УЕЗДАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на значительное количество публикаций, посвященных её изучению, остается в центре внимания историков-аграрников. В настоящее время в отечественной исторической науке присутствуют различные оценки последствий данной реформы от крайне положительных до довольно критических [9; 12]. При этом следует отметить наличие целого научного направления, ориентированного на исследование крестьянской реформы с помощью методов математической статистики и компьютерного анализа. В данном контексте хотелось бы представить исследование, целью которой является анализ экономических последствий реализации крестьянской реформы 1861 г. в Псковской губернии. При этом мы решили совместить два подхода компьютерно-статистический и традиционно-описательный. В качестве территориальных рамок исследования были выбраны уезды, граничащие с территорией Белоруссии, а именно Островский, Опочецкий, Великолукский и Торопецкий. Описание особенностей проведения реформы 1861 г. в Псковской губернии уже нашли свое отражение в исторической науке [5; 7; 8; 10]. Вместе с тем, анализ экономических последствий реформы на приграничном с Витебской губернии пространстве не осуществлялся. В качестве источников нами использовались данные уставных грамот, материалы уездных съездов мировых посредников.

Характеризуя экономическое положение Псковской губернии, в 1861 г. губернатор Муравьев отмечал, что сельское хозяйство является одной из основных отраслей экономики, при этом Псковский, Порховский, Островский, Опочецкий и Новоржевский уезды являются льнопроизво-

дьяцами. Таким образом, в двух из четырех приграничных с Витебской губернией уездов лен являлся главной сельскохозяйственной культурой, при этом «хлебопашество незначительно» [3, л.10]. В качестве самого хлебородного уезда псковский губернатор отмечал Великолукский. Торопецкий уезд в этом отношении находился на четвертом месте. Переходя к вопросу об экономических последствиях отмены крепостного права, необходимо отметить, что исследование, проведенное с привлечением статистических методов и компьютерных технологий [6], показало, что губернские и даже уездные границы смежных губерний являются весьма условными рамками как при анализе степени распространения той или иной формы эксплуатации крепостных, так и при рассмотрении особенностей трансформации структур крестьянских наделов и платежей, проходившей в помещичьих имениях в 1861–1863 гг. Так, например, при сравнении уездных показателей трех северо-западных губерний (Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской) выделяется центральная, «оброчная» часть региона, а также еще одна «оброчная» зона, расположенная на его северо-востоке, рамками которых являются не губернские, а уездные границы. Выделяется также широкая «барщинная полоса», охватывающая западные и южные уезды, и «буферное пространство», с распространением смешанных форм повинностей, расположенное между оброчной и барщинной зонами. Можно предположить, что более точные и тонкие наблюдения можно получить при сравнении ситуации в отдельных смежных волостях разных уездов [6, с. 364–365].

Статистический анализ компьютерной базы данных, содержащей сведения о предреформенной ситуации в помещичьих имениях 27 уездов трех северо-западных губерний России (Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской), показал наличие кластера из 4 псковских уездов, в которых накануне реформы преобладала барщинная форма эксплуатации крестьян. В числе этих уездов три (Островский, Великолукский и юг Торопецкого), были расположены непосредственно вдоль границы с Витебской губернией, а еще один «барщинный», Новоржевский, хотя и не граничил напрямую с этой губернией, но был расположен недалеко от белорусских уездов. Некоторое исключение среди приграничных с Витебской губернией уездов составлял Опочецкий, где в процентном отношении в границах уезда барщинных крестьян было меньше, чем в соседних, но и здесь на барщине насчитывалось больше крепостных, чем оброчных и состоявших на смешанной повинности.

Обратимся непосредственно к анализу данных, полученных в результате компьютерной обработки. Упомянутый выше Островский уезд, граничил не только с Витебской, но и Лифляндской губернией, его площадь составляла более 7 тыс. кв. верст. [4, с. 38]. Здесь на 1858 г. проживало 91,6 тыс. человек [4, с. 169]. Одной из особенностей уезда был весьма большой процент казенных крестьян (около 55 тыс. человек). Уезд славился как льнопроизводящий. Удачное географическое расположение делало уездный город Остров транзитным центром. В помещичьих имениях Островского уезда накануне реформы проживало около 17 тыс. крестьян мужского пола и свыше 700 дворовых [11, с. 34]. При этом по произведенной нами оценке 83,1% из них исполняли барщину, 11,1% состояли на оброке, остальные находились на смешанной повинности. Средний надел помещичьих крестьян до реформы составлял 5,9 дес. на душу м.п. После их освобождения решающее влияние на размер наделов оказал установленный здесь «высший размер» надела, 5 дес. на душу м.п. Из пореформенного распределения крестьянских наделов видно, что 64% островских крестьян получили надел от 5 до 6 дес. (чаще всего «высший» размер или близкий к нему). Новый средний размер надела стал равен 4,7 дес., т.е. сократился на 20,2 %, при этом в оброчной деревне это сокращение составило 25,6 %, а у барщинных крестьян – 16,8%. В отдельных имениях (у 10% крепостных) были осуществлены незначительные прирезки земли, однако отрезки в уезде в 20 раз превышали эти прирезки.

Важным экономическим последствием реформы стало изменение размера крестьянских платежей. Определить степень их изменения можно только для оброчных крестьян, поскольку в барщинной деревне денежная оценка работ практически никогда в уставных грамотах не фиксировалась. По нашим расчетам средние платежи до реформы составляли здесь 9 руб.38 коп. с души м.п. и 1 руб. 56 коп. в расчете на десятину удобной земли. После реформы здесь был установлен высший размер платежей – 8 руб. с души. Это определило характер изменений в платежах. Средний платеж на душу сократился на 22,3%, а на десятину практически остался на том же уровне. Таким образом, мы можем наблюдать здесь два параллельных процесса, направленных в противоположную сторону – сокращение наделов и практически такое же сокращение платежей.

Соседний с Островским, Опочецкий уезд, также граничил с Витебской губернией. По своей площади, около 3400 кв.в., он практически в два раза уступал предыдущему [4, с. 38]. Население на конец 1850-х составляло здесь 81,5 тыс. человек, [4, с. 169], около половины сельских жителей были казенными крестьянами. Лен также как и в Островском уезде являлся основной сельскохозяйственной культурой. В помещичьей деревне крестьян было примерно столько же, сколько в соседнем уезде, около 17,5 тыс. душ м.п. крестьян и 963 дворовых [11, с. 34]. Однако, по распространению различ-

ных форм эксплуатации уезды существенно различались. По нашей оценке, барщинных крестьян здесь было 44,9%, оброчных 28,6 %, на смешанной повинности состояло 26,5% крепостных. Что касается крестьянских наделов и платежей, то следует отметить близость показателей со средними в Островском уезде. Средний надел до реформы составлял 5,4 дес., высший размер был установлен в 5 дес., 70% крестьян получили надел от 5 до 6 дес. Средний надел сократился на 13,9% (до 4,7 дес.). У барщинных крестьян сокращение составило 15,9%, у оброчных – 18,0%. Около 60% крестьян получили сокращенные наделы, примерно у 25% – наделы увеличились, однако в каждом конкретном случае прирезка была минимальной. До реформы у оброчных крестьян средний размер платежа составлял 8 руб. 5 коп. с души и 1 руб. 57 коп. с дес. Высший размер пореформенного оброка был установлен в 8 руб. с души. У оброчных крестьян платежи сократились на душу на 18,8%, а на десятину составили 1 руб.56 коп., т.е. практически не изменились.

Еще один приграничный с Витебской губернией, Великолуцкий уезд, несколько отличался от предыдущих. Здесь была лучшая по качеству земля в губернии. Крестьяне лен не выращивали, и считалось, что «при трудолюбии земледельцев, уезд есть один из хлебородных в губернии». Хлеба здесь хватало и на прокорм местного населения и даже на вывоз в Петербург. При этом здесь было «лучшее скотоводство в губернии». Площадь уезда составляла около 4000 кв. верст [4, с. 38], а число жителей обоего пола накануне реформы примерно 60 тыс. [4, с. 169], треть сельского населения были казенными крестьянами. В помещичьей деревне накануне реформы было 22,1 тыс. душ м.п. и 1,4 тыс. дворовых [11, с. 34]. По нашей оценке, 91,6% этих крестьян состояли на барщине, 2,6% были на оброке и 5,7% – на смешанной повинности. Средний размер надела в уезде до реформы был равен 5,3 дес. (у оброчных крестьян он был выше, 6,5 дес., у барщинных несколько ниже, 5,2 дес.). Высший размер надела после реформы был установлен в 4,5 дес. на душу м.п. После реформы средний размер надела сократился у барщинных крестьян (и по уезду в целом) на 18,0%, у оброчных сокращение было намного выше – 34,7%. У 60% крестьян наделы сократились, прирезки же, как и в других уездах были ничтожными. Платежи оброчных крестьян до реформы составляли в уезде 8 руб. 36 коп. на душу и 1 руб.29 коп на дес. После реформы высший размер оброка был установлен в 8 руб., в силу чего платежи оброчных на душу сократились на 21,2%, но в расчете на десятину увеличились на 20,9%, до 1 руб. 56 коп.

Наконец, еще один, Торопецкий уезд, граничил сразу с тремя губерниями, Витебской, Смоленской и Тверской. Его площадь составляла около 5600 кв. верст, [4, с. 38], а население почти 55 тыс. жителей [4, с. 169]. Это был один из наименее плотно заселенных уездов. Уезд обеспечивал себя хлебом, лен здесь практически не высевался. Важным подспорьем в хозяйствах были различные лесные промыслы. Численность помещичьих тяглых крестьян накануне реформы составляла здесь 19,8 тыс. душ м.п. и 1,3 тыс. дворовых [11, с. 34]. Среди повинностей преобладала барщина, на которой, по нашим оценкам, находились 84,8 % крепостных, оброчных было 11,4%, на смешанной повинности – 3,8%. До реформы средний надел в уезде составлял 8,4 дес. на душу м.п., в барщинной деревне он был несколько меньше, 8,0 дес., у оброчных крестьян, заметно выше, 10,7 дес. После реформы в уезде был установлен высший размер надела в 5,5 дес., что привело к тому, что после реформы наделы от 5 до 6 дес. получили 88,4% торопецких крестьян. После реформы средний размер надела в уезде сократился на 35,4%, что было наибольшим показателем сокращения крестьянской земли в губернии. При этом в оброчной деревне надел сократился на 49,1%, а в барщинной на 32,6%. Прирезки, хотя и наблюдались у 10% крестьян, были микроскопическими, составляли лишь 0,7%. Платежи в оброчной деревне до реформы были равны 6 руб. 79 коп с души и только 62 коп в расчете на дес. удобной земли. После реформы высший размер оброка был установлен в 8 руб. с души, у оброчных после реформы он составил 6 руб.40 коп. на душу и 1 руб.17 коп. на десятину. Следовательно, в оброчной деревне сокращение платежей произошло на 5,7% на душу м.п., а в расчете на дес. увеличилось практически в 2 раза, что нанесло существенный удар по экономике крестьянских хозяйств.

Кроме того, следует остановиться на ряде деталей, которые возникали в ходе проведения крестьянской реформы и так же в определенной степени, влиявших на экономическое положение в деревне. Проведение реформы в жизнь вызвало споры между крестьянами и помещиками. Так временнообязанные крестьяне д. Прони обратились в Великолуцкий уездный съезд мировых посредников с прошением в отношении деятельности их бывшего помещика Андрея Петровича Корвин-Круковского. Крестьяне ходатайствовали о выделении им полного надела, но, кроме этого, требовали уплатить со дня издания манифеста за каждый год по 2 руб. серебром на тягло за прогон через их покос быков. Таким образом оформленное в уставной грамоте чересполосное владение землей между крестьянами и помещиками приводит к взаимному недовольству. В реализации всех этих требований крестьянам было отказано [1, л. 58]. Еще одним из спорных вопросов являлись хлебозапасные магазины. Крестьяне очень часто обращались в съезд мировых посредников с просьбой об отведении им данных объектов или о возвращении им хлеба, засыпанного ранее. Однако данные ходатайства оставались без удо-

влетворения. В течении почти 2-х лет Великолукский съезд мировых посредников разбирал спор между помещиком Г. Ярышкиным и его временнообязанными крестьянами. Помещик требовал, перенести крестьянские усадьбы с территории его усадьбы в другое место. Крестьяне же требовали компенсации в виде строительного леса и денег 1 тыс. руб. Ярышкин считал подобные траты очень высокими [2, л. 31 об.]. Съезд мировых посредников отстоял позиции крестьян.

В процессе реализации реформы всплывали и проблемы, связанные с некачественно составленными уставными грамотами. Например, в имении помещика Ф.Н. Дубровина мировым посредником П.П. Гершау была составлена одна уставная грамота для 2-х деревень Израйкино и Ивахново, при этом у них отсутствовало общее землепользование, в итоге это вызывало массу конфликтных ситуаций между крестьянами. Мировой съезд признал грамоту неправильной [1, л. 67]. Крестьяне жаловались, что им предоставляют в пользование некачественные земли, причем ранее ими они не пользовались. Подчас это была хитрость со стороны крестьян, желающих получить более качественную землю, мировому посреднику удалось доказать, что эти земли ранее использовались крестьянами под покос. Очень часто прошения крестьяне ходатайствовали об уменьшении их надела, т.к. поменялась демографическая ситуация в деревне: наличных 10 душ, а платят за 16, показанных в уставных грамотах. В итоге они «стесняются в платежах оброка по своим скудным средствам» [2, л. 62]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что платежи, лежавшие на крестьянской земле в начале проведения реформы, являлись для крестьян достаточно высокими.

Механизм проведения реформы, а именно временнообязанное состояние крестьян и нюансы его реализации также вызывали споры. Например, крестьяне помещика А.С. Лаврова требовали компенсацию за переработку по 2 часа в день в течение месяца. При этом выяснились любопытные особенности организации помещичьего хозяйства. А.С. Лавров во время жатвы использовал труд временнообязанных крестьянок, направляя их для работы на поля своих арендаторов, причем последние платили помещику по 20 коп. сер. за использование труда каждой женщины [1, л. 75]. Помещик руководствовался следующим соображением, что арендованная земля принадлежит ему, следовательно на ней он вправе использовать труд крестьян. Крестьяне же исходили из понимания того, что за пользование землей во временнообязанном состоянии они отработывают дни именно у помещика, а не арендаторов. Дело в силу сложности было направлено в губернское по крестьянским делам присутствие.

Таким образом, рассматривая изменения, происходившие в крестьянских хозяйствах 4-х приграничных уездов Псковской губернии, мы можем отметить как наблюдавшиеся здесь общие черты, так и известную разницу в условиях освобождения крепостных. Тем интереснее посмотреть те изменения, которые происходили в процессе освобождения крестьян в соседних с ними уездах Витебской губернии, где наблюдались существенные особенности, связанные с политической ситуацией, сложившейся в регионе, в связи с восстанием 1863–1864 гг. Сегодня проделать такую аналитическую работу становится возможным в связи с тем, что начиная с 2011 г. сотрудниками Российского государственного исторического архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге проделана огромная работа по оцифровке десятков тысяч документов Ф. 577 Главного выкупного учреждения Российской империи. Новые исследования существенно упрощаются в связи с тем, что в РФ и за рубежом создаются удаленные терминалы, в которых эти документы становятся более доступными. Сейчас такая работа была успешно проведена на материалах Черноземных губерний и Русского Севера, а также в рамках поддержанного грантом РФФИ исследования столичных губерний. Хотелось бы надеяться, что она может заинтересовать белорусских и российских историков.

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф.862. Оп.1. Д.4.
2. ГАПО. – Ф.862. Оп.1. Д.6.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 995. Оп.1. Д.12.
4. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. – Вып. 2 : Наличное население Империи за 1858 год / [Соч.] Редактора Центр. стат. ком. А. Бушена. – СПб. : тип. II Отд-ния собств. е. и. в. Канцелярии, 1863. – XIII, 330 с., 1 карт.
5. Дейч, Г. М. Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX вв. : автореферат дис., на соискание ученой степени д. и. н. / Г. М. Дейч / Ленингр. отд-ние Ин-та истории АН СССР. – Л. : [б. и.], 1962. – 30 с.
6. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г. Кащенко. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. – 549 с.
7. Кащенко, С. Г. Отмена крепостного права в Псковской губернии : Опыт компьютер. анализа условий реализации крестьян. реформы 19 февр. 1861 г. / С. Г. Кащенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 157 с.
8. Кащенко, С. Г. Крестьянская реформа 1861 г. в приграничных с Прибалтикой северо-западных уездах Петербургской и Псковской губерний. Результаты исследований с применением компьютерных технологий / С. Г. Кащенко, Е. С. Кащенко // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1 (66). – С.7–17.
9. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – №1. – С.3–27.
10. Никитина, Н. П. Виды переделов земли на Северо-Западе России в пореформенный период (1861–1906 гг.) / Н. П. Никитина // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов. – Калининград : КГУ, 2001. – С. 60–69.

11. Тройницкий, А. Г. Крепостное население России по X народной переписи: Статистическое исследование / А. Г. Тройницкий. – СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1861. – VIII, 92, [1] с., [2] л. цв. карт : табл.; 24 см.
12. Христофоров, И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). / И. А. Христофоров – М. : Собрание, 2011. – 367 с.

Кащенко С.Г., Кащенко Е.С.
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДЕЛ
О ВЫКУПЕ КРЕСТЬЯНСКИХ НАДЕЛОВ В 1861–1883 ГГ.¹

Дела о выкупе крестьянских наделов, хранящиеся в Ф.577 (Главное выкупное учреждение) Российского государственного исторического архива, являются одним из наиболее известных и востребованных исследователями массовых источников XIX века, позволяющих с наибольшей полнотой и точностью оценить экономические последствия освобождения крестьян от крепостной зависимости и итоги выкупной операции в помещичьих имениях. Новый импульс процессу изучения выкупных дел дала осуществленная в последние годы оцифровка дел Главного выкупного учреждения, проведенная сотрудниками архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. Результаты этой работы сопоставимы по своим масштабам с крупнейшими современными европейскими проектами. Исследователи получили в свое распоряжение цифровые копии огромного массива документов (фонд содержит около 90 000 дел) и возможность изучения их с удаленных терминалов, расположенных в ряде областных центров Российской Федерации и за рубежом. Традиционно считается, что наиболее значимыми документами в этих делах являются уставные грамоты и выкупные материалы (в частности, докладные записки о выкупе). При этом при описании состава дел об остальных находящихся там документах часто имеются весьма краткие упоминания как о «сопутствующих» первым двум. Формализованные сведения, извлеченные из уставных грамот и выкупных актов, на протяжении многих лет служили основой для создания реляционных баз данных, позволивших получить представление об экономических последствиях крестьянской реформы [1]. Сегодня, повторно обращаясь к этим документам, можно разглядеть в них новые информационные возможности.

Одним из примеров выкупного дела, содержащего исключительно интересную информацию именно в текстах «сопутствующих» документов, являются материалы Лиговского имения Кушелевых, расположенного в Московской волости Санкт-Петербургского уезда. Это считавшееся образцовым в хозяйственном отношении имение имело богатую историю и неоднократно привлекало внимание статистиков, экономистов и краеведов [6, с. 32–33; 7, с. 58–67]. Расцвет лиговского хозяйства связан с именем приглашенного графом Г.Г. Кушелевым иностранного управляющего Захара Захаровича Маклотлина (Mac Lothlin Richard Watson) и огромными финансовыми возможностями самого графа. Представление о его состоянии дает содержащееся в выкупном деле завещание Г.Г. Кушелева, датированное 6 апреля 1853 г. [2, л. 45], составленное им за два года до смерти. Этот документ представляет несомненный интерес не только для понимания хозяйственной ситуации в имении, но и, благодаря своим литературным достоинствам, является находкой для филологов. «Готовясь к исхождению из сей временной жизни», генерал-лейтенант Г.Г. Кушелев делает распоряжение «для обеспечения дражайшей жены моей, которая в продолжении 20 летнего нашего супружества делала меня счастливейшим человеком, своею Ангельской кротостию и любовью». Среди передаваемого супруге движимого и недвижимого имущества дома в Санкт-Петербурге, часть Астраханских рыбных промыслов, «часть степей в Тамбовской губернии», имения в 7 губерниях с 12000 душ мужского пола. Впечатляет и сумма, которую граф собирался оставить Маклотлину, исчислявшаяся в 100 000 руб. серебром. (Маклотлин ненадолго пережил Кушелева и скончался в 1861 г.). Конечно, владелец, обладая такими средствами, мог превратить свое имение под столицей в некую «витрину», прекрасно обустроенное поместье, которое было и примером для подражания, и недостижимым идеалом для многих петербургских помещиков. Интересно отметить, что после смерти Кушелева имение постепенно пришло в упадок. Графиня, не особенно разбиравшаяся в хозяйственной деятельности, построила церковь в память о муже в Сергиевской пустыни под Петербургом и сумела испортить отношения со своими бывшими крепостными в Лиговском имении, что привело к конфликтам и вмешательству воинских команд.

Не менее интересно пространное духовное завещание помещика Рудометова, владельца деревни Коросары Петербургского уезда [4, л. 19–21], в котором он дает разъяснение, как следует поступить с крепостными после его смерти. Часть дворовых, вместе с семьями, следовало отпустить

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий», реализованный в Санкт-Петербургском государственном университете.